

Григорий Померанц Образы перемен

Интеллигенция – Претей, и русская история, впервые породившая этого Претя, сама по себе Претей. Мы уже говорили, что из византийского чина, татарского кнута, казацкой воли и европейских прав трудно создать что-то устойчивое. Вероятность неожиданностей в России на порядок выше, чем в стране, развивавшейся в рамках одного культурного мира. Но сегодня и Англия, и Китай попали в мировое время, которое в целом потеряло устойчивость течения и стремительно рождает неожиданности, способные все перевернуть. Эти перевороты, ломавшие действительность «настоящего» XX века (после 1914 года) – в «Вехах» еще не могли быть замечены; в частности, не замечено чудовище, способное вырасти из старомодного, респектабельного национализма; то, что пророчески заметил Герцен: «будет вам война семилетняя, тридцатилетняя». Самым чутким к мировым сдвигам оказался Г.П.Федотов, мужественно пересматривая свои собственные взгляды на совместимость империи и свободы, империи и России. Замечательна также попытка С.Л. Франка выйти за рамки «правого» и «левого» к трехчастному анализу политической жизни. Но самым неожиданным был поворот мысли Бердяева в 1918 г., выход философии за рамки философии, социологии за рамки социологии, опыт углубления в невероятную действительность через «невероятные», гротескные образы русского литературы, опрокидывая научные понятия и приемы. Это «Духи русского революции» Н.А.Бердяева, метахудожественный прорыв вглубь действительности, казавшейся хаосом, не поддающимся никакому анализу.

Я ничего не знал ни об эссе Бердяева, ни о самом сборнике «Из глубины», когда мне захотелось отхлестать Хрущева за его хамские выходки на «торжественно-дружеских» приемах творческой интеллигенции. Перед моими глазами встал образ поручика Пирогова, которого на Кубе высекли, а он съел слоеный пирожок и утешился, назвал то, что произошло, победой советской дипломатии. Пирогов повлек за собой другие образы...

Чтобы как-то упорядочить их хаотическое кружение, я вспомнил классификацию редакторов Гослитиздата, придуманную Натальей Леонидовной Трауберг. Наталья Леонидовна всегда мыслила нетривиально, но сорок лет тому назад она была еще чем-то вроде «мисс Москва», и с этой позиции ей кое-что неожиданно открывалось. «Рыла», завидев ее, загорались идеей попользоваться насчет клубнички, и немного пофлиртовав, можно было усыпить их бдительность и протащить какого-нибудь Честертон. Напротив, «гады» скалили зубы и рычали на интеллигентское даже в самом очаровательном его воплощении.

В этой шутке была большая доля правды, и я воспользовался ею, чтобы отделить хрущевские кадры от сталинских. Мне немного не хватило классического материала, и в образе Сталина я дополнил Смердякова шварцовским Драконом, создав образ Смердякова-Дракона, Смердякова на троне, заставляющего Карамазовых совершать обряд коу-тоу (в интерпретации Свифта, т.е. приближаться к Сыну Неба не просто ползком, а еще вылизывать языком пыль). В хрущевскую команду, помимо Пирогова, вошли Ноздрев, Иван Иванович и Иваном Никифоровичем и другие бытовые персонажи Гоголя.

Ассоциация с Хрущевым заставила меня пройти мимо демонических фигур. У Гоголя я брал только то, что позволяло лепить свиные рыла. Эти рыла способны сожрать вас, но если нет команды и вы не мешаете им нажраться, выпить подряд 17 фужеров шампанского (с Никитой Сергеевичем это случилось) и попользоваться клубничкой, они довольно добродушны и решительно не способны на третью мировую войну. Исходя из этого, я спокойно спал во время берлинского, кубинского и всех прочих кризисов. По законам логики политика Хрущева могла вести к катастрофе, но я понимал, что ему плевать на логику.

Перед моими глазами вставало еще одно рыло, Александра Михайловича Еголина. Он довольно благодушно утвердил оценку «4» за мою еретическую курсовую работу о Достоевском, а потом со всем усердием травил полумонахиню-полублудницу Ахматову. Карьеру Еголина испортила только неожиданно выплывшая роль акционера тайного публичного дома. Он довольно долго и успешно совмещал кафедру русской литературы ИФЛИ с заведованием литературным отделом ЦК.

Разработка «идеальных типов» рыльности и гадства позволила описывать колебания в политике номенклатуры лучше, чем европейские термины «либерализации» и т.п., сидевшие на советской действительности, как седло на корове. Получалась динамическая картина, с довольно ясными пределами колебаний в рамках несокрушимого единства рыл и гадов. Но общество в целом не укладывалось в эту игру. Общество стало более или менее образованным. Понадобилось как-то описать советскую образованность, не дошедшую до интеллигентности. Один подходящий образ я нашел готовым у Достоевского. Это Ракитин, семинарист-карьерист. Он весь, со своей прогрессивной речью на суде и стихами про разболевшуюся ножку, становился на нужное место; надо было прибавить только несколько штришков. Остался не описанным другой тип: честный сциентист, рыцарь научного прогресса. Готового образца русская литература не создала; пришлось создавать его самому.

Название я заимствовал у Митеньки Карамазова: «Бернары» и у Гете: «Гомункулусы». А из характеристики (занявшей несколько страниц) приведу только отрывки: «Это не мертвые души, скорее неродившиеся, вылупившиеся

из книги, как гомункулус из колбы. Иногда, ценой огромных усилий, они способны ожить...

Гомункулусы, так же как мертвые души, – функционеры. Можно рассматривать их, как и рыл, в качестве продукта распада первоначального рода (роя), обособления отдельных его органов и прилипания к новым агрегатам; в гомункулусах обособился мозг; они созданы из лобных долей родового мозга, иссеченных скальпелем анатома, и защищены от жизни стеклянным колпачком понятий...

При распаде рода будущие рыла прилепились к тому, что непосредственно дает хлеб, – к аппарату царского дома, купеческого дома, публичного дома и т.д. – смотря по тому, что доступнее и выгоднее. Гомункулусы – в известном смысле идеалисты; они прилепились к науке...

Рост популяции бернардов связан с развитием точных наук; но бернар – совсем не обязательно ученый. Бернгард Фильберт (написавший книгу «Христианское пророчество и атомная физика»), вопреки своему имени и профессии, совсем не бернар...

Раскалываясь на своих вершинах, тип бернара широко входит в быт, становится популярным. Бернары умножились среди инженеров, учителей... Наконец, в эпохи революций некоторые бернары (начиная с Карно) становятся теоретиками и практиками политического действия. В этой функции они участвуют в отсечении голов других бернардов, равнодушных к политике (случай с Лавуазье). Марксизм привлек в ряды рабочего движения большое число бернардов...

Бернар в спокойном, аполитичном состоянии и бернар в возбужденном, политическом состоянии одинаково убежден в разрешимости всех вопросов научными методами. Но бернар нормальный режет лягушек, а бернар взбаламученный – людей...

К сожалению, чрезвычайные обстоятельства и вызванные ими страсти почти совершенно лишают бернара, втянутого в политику, способности к трезвой и честной научной самооценке. Все возражения против научной идеологии расцениваются по принципу «кому на пользу», и наука по всем правилам диалектики превращается в собственную противоположность...»

Эссе кончалось так: «попытки достигнуть гармонического состояния общества, оставляя в стороне человеческую личность..., ведут только к разочарованию, раздражению, злобным попыткам подчинить разуму непокорную природу и в конце концов к такой вакханалии насилия, в которой тонут последние остатки разума; воцаряется дичь, бред, сравнительно с которыми старое, неразумное состояние общества кажется царством Разума, Добра и Красоты.

Такая гармония не стоит не только слез ребенка – она не стоит и таракана. Это ловушка, в которую несколько раз попадал человеческий рассудок. Ловушка утопии.

Но ведь не об этой «гармонии», не о хрустальном дворце идет речь! И конечно не о переносе хрустального дворца в потустороннее, с теми же земными представлениями о справедливости, с той же костоломкой в аду (только вечной) и вечными торжественно-дружеским приемом у самого Господа Бога в раю.

А о чем же? Какая еще гармония может быть? Этого именно Иван не может понять, и ломает себе голову, и сходит с ума, и в бреду своем плодит новых и новых гадов. Мерзость их дыхания, размноженная современными средствами телекоммуникации (печатью, радио, телевидением, кино) переполняет землю. 1962-1963». Подробнее см. в моей книге «Выход из транс». М., 1995, с. 86-102.

В 1968 г. один из читателей сказал мне, что очень схожий метод был открыт Н.А.Бердяевым. Прошло еще пять лет, пока текст, наконец, дошел до меня. Сходство оказалось поразительным. Но интересны были и различия. Мерзость, которую я обрисовал, стабилизировалась, и я неторопливо живописал ее. Несмотря на заячьи скачки дорогого Никиты Сергеевича (которые ничего не меняли), начинался застой. Бердяев писал в момент бури и натиска, во вздыбленном мире, и сами образы, которые заняли перед ним авансцену, кружились в вихре: Хлестаков, Чичиков. Я их просто не увидел. Хлестаковых давно перестреляли. Никто больше не обещал, что при социализме из золота будут делать сортиры, а средний человек достигнет по крайней мере уровня Гете и Аристотеля. А теневик Чичиков еще прятался в укромных уголках и очень старался, чтобы его не заметили.

С другой стороны, Бердяев не видел бернардов: они расплодились попозже и в 1918 году еще терялись, вместе с Ракитиными и Карамазовыми, в общей массе «интеллигентов». Наконец, оба мы не заметили Скалозубов: в 1918 году скалозубы еще воевали против красных, а в 1962-м – «не возникали», а занимались боевой подготовкой.

Но вот началась новая смута, и – опять хлестаковы! Опять чичиковы! Конечно, и бернары никуда не подевались, и мне уже приходилось сравнить с бернардами команду Егора Гайдара. Но первые образы, которые приходят на ум, когда говоришь о современности, это хлестаковы и чичиковы. Разве не Хлестаков – сын юриста? И разве не Чичиков... Впрочем, как бы современный Чичиков, названный по имени, меня не заказал. За прошедшие десятилетия он слишком подружился с Федькой Каторжным.

Новое опять оказалось иллюзорным: Бердяев это гениально увидел. А подлинно новые люди еще только складываются и дыхание их – скорее в

лирике и музыке, оно не сложилось в пластические образы, из которых культуролог может лепить свои «идеальные типы». Пока что видно только одно – как русский застой и русская смута вертятся в одном кругу; изменения укладываются в формулу «Квадральона»: упадок рыльности (в связи с ростом образованности) компенсируется возрастанием гадства; удельный вес ноздревщины падает, растет влияние фигур из «Бесов» Достоевского.

Что за детство тот террор, который практиковался в России в 1905-1907 гг.! Какой еще Шиллер сидел (по выражению Порфирия Петровича) в русских Раскольниковых! Как еще только намечен был переход змеборца в змея, Гармония в тирана! Как старались Вильгельмы Телли не попасть в мальчика! Заметив рядом с Великим князем женщину и детей, Каляев положил бомбу в сумку. Какая пропасть между этим – и нынешним террором. Веховцы заметили начало перерождения, но они не могли предположить, до чего это дойдет в терроре второй половины XX в., сразу в нескольких странах.

Перелом произошел в середине XX века. Ему предшествовали перемены на государственном уровне. Уже в первую мировую войну началось убийство без эстетики, в облаках ядовитого газа, в блокаде, морившей голодом целые народы. Без крови, пролитой на фронтах, Ленин не пришел бы к власти и не нашел бы кадры для красного террора. Гроссман назвал это переносом научных статистических методов в государственные убийства. Людей перестали судить за преступления, хотя бы военным судом. Их просто уничтожали, как комаров, не дожидаясь укуса, посыпая ДДТ целые площади. Что-то сломалось в мире, и свой вклад в эту ломку внесли не только турки, русские, немцы. Англичане уничтожали Дрезден, когда война уже кончилась, и бомба на Хиросиму была сброшена, когда японцы просили мира.

Все эти впечатления слились в одно. Идея, которую пытался опровергнуть Достоевский, овладела массами: процентщица (или любой человек штрафной категории) – это вошь; а когда идея овладевает массами, она становится материальной силой (в этом Маркс прав). И сразу после второй мировой войны, сразу после потрясения, вызванного Майданеком и Освенцимом, у Гитлера нашлись партизаны-подражатели – в Белфасте, в Испании, в Германии, в Италии, в Японии. Это созревало долго. еще за сто лет раньше подпольный человек Достоевского хотел дать пинка Хрустальному зданию. Еще Маяковский писал: пусть Земле под ножами попомнится, кого хотела опошлить! И вот настал вождеденный час.

Сперва возмущенные маргиналы не делали погоды. Иногда их использовало массовое революционное движение, а потом – расстреливали, как большевики анархистов и т.п. Террор нового стиля стал фактом, насколько я могу уловить, в 60-е годы. в 1948-м израильтяне, выходцы из России, совершили несколько террористических актов против англичан, против графа

Фольке-Бернадотта в довоенном стиле. В 1968 году террор вернулся к ним уже другим. После проигрыша шестидневной войны террор остался единственным аргументом побежденных, единственным доказательством, что жить десятки лет в лагерях для беженцев невыносимо. Но почему не было покушения на Моше Даяна? Почему вместо него убивали спортсменов, пассажиров воздушных лайнеров, школьниц?

Это не джихад! И собственно мусульманские организации вступили в бой гораздо позже. Начали секуляризованные интеллигенты, получавшие европейское образование за счет ООН; а с ними сотрудничали европейские маргиналы, искавшие национальной почвы для своего глобального бунта. Когда Даян разбил Нассера, настал час недоучившихся студентов; это не крестьянские погромы 1929, 1936 гг. Погромы можно было прекратить ротой, взводом солдат. В 1968 году начала расти ползучая сила, против которой и противоракетная оборона – не помеха.

Началась эпоха глобального террора. в конце концов шейхи почувствовали ее дыхание и покорились ему. «Маргинальная», «беспочвенная» интеллигенция нашла, наконец, свою национальную, свою религиозную почву. Террор стал делом веры, ауто да фе. Достоевскому казалось, что нечто подобное случится в католическом мире; он ошибся в форме события, но не в сути. Основа глобальной бесовщины – не атеизм, а фанатизм. Фанатизм может быть идеологическим, – там, где идеология оттеснила религию; но он может снова стать религиозным. Варфоломеевская ночь – предшественница холокоста, и предшественник Софьи Перовской – Равальяк, убийца Генриха IV.

Ближневосточные лагеря беженцев оказались питомником, где вывелась новая порода террористов-самоубийц. 11 сентября 2001 г. эта сила вышла на мировую арену. Она не способна победить Америку, победить Запад, но она будет тревожить, терзать, расшатывать веру в себя и может оказаться союзником действительно мощной силы, растущей на Дальнем Востоке.

Таков только один из духов, выпущенных из бутылки. Сколько их вырвется в XXI в., – трудно сказать. И читая «Духи русской революции» Бердяева, волошинские «Путями Каина», «По ту сторону правого и левого» Франка, последние статьи Федотова – важно понять их не как страницы истории, а как пример поисков неожиданных, нетривиальных, фантастических подходов к неожиданным и фантастическим поворотам истории.

Многие футурологи здесь сходятся с интуицией Далай Ламы XIV-го: надо готовиться к неожиданным ответам на абсолютно непредвиденные вызовы. Не будем повторять людей XIX века, потерявших голову в XX-м...